

- Баратынский Е. А.* Полное собрание стихотворений. Л., 1989.
- Богданова О. В.* Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60—90 годы XX века — начало XXI века). СПб., 2004.
- Волкова Т. Ф.* Иван Степанович Мяндин — редактор древнерусских повестей (некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника) // ТОДРЛ. Т. 57. СПб., 2006.
- Гуревич А. Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
- Ерофеев Вен.* Благовествование // Ерофеев Вен. Оставьте мою душу в покое: Почти всё. М., 1997.
- Ерофеев Вен.* Записная книжка // Лит. текст: проблемы и методы исследования: Анализ одного произведения: «Москва — Петушки» Вен. Ерофеева. Тверь, 2001.
- Ерофеев Вен.* Записные книжки 1960-х годов: Первая публикация полного текста. М., 2005.
- Ерофеев Вен.* Москва — Петушки: Поэма. Петрозаводск, 1995.
- Иванов В. В.* Весы // Мифы народов мира: Энциклоп. Т. 1. М., 1987.
- Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев: Первый полный вариант романа с комментариями М. Одесского и Д. Фельдмана. М., 2000.
- Курицын В.* Мы поедем с тобою на «А» и на «Ю» // Новое лит. обозрение. 1992. № 1.
- Налимов В. В.* Вероятностная модель языка. М., 1974.
- Соловьев В.* Видения // Энцикл. слов. [Брокгауза и Ефрона]. СПб., 1892. Т. 11.
- Пигин А. В.* Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006.
- Прокофьев Н. И.* Видение как жанр в древнерусской литературе // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. Т. 231. М., 1964.
- Фильштинский И. М.* Представление о «потустороннем мире» в арабской мифологии и литературе // Восток — Запад: Исследования, переводы, публикации. М., 1989. Вып. 4. С. 56—64.
- Ярхо Б. И.* Из книги «Средневековые латинские видения» // Там же. С. 18—55.

Т. М. Лобова

ФЕНОМЕН ДЕТСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Исследуются особенности реализации общелитературной темы детства в творчестве М. Ю. Лермонтова; дается системное представление о феномене детства (образ ребенка, темы отцовства и материнства, категория детскости), выявляется его ценностный статус в художественном сознании писателя.

Детство — одна из универсальных и ключевых тем мировой художественной литературы. Однако особое положение занимает здесь именно русская литература, которую отличает необыкновенная сила гуманизма. Сравнивая «литературность» темы детей в болгарской и русской литературе, культуролог Г. Гачев отмечает: «В болгарской литературе нас поразит радость просто наличия детей в мире, эстетика их тела» [Гачев, 1988, 101]. Принципиально отличается решение этой темы в отечественной литературе: «Ребенок занимает место в ее поле как чистое нравственное сознание, как мысль особой чистоты и прозрачности... Другой ас-

пект, в котором ребенок попадает в русскую литературу, — это детская жертва и нравственные проблемы для взрослых, встающие в связи с ней» [Гачев, 1988, 100]. Данный сюжет получает свое окончательное эстетическое и этическое оформление в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1879—1880) — в книге пятой «Pro и contra» (глава «Бунт»); в книге шестой «Русский инок» (глава «Из бесед и поучений старца Зосимы»). Детские лишения и страдания, обобщенные Достоевским в «слезинке ребенка», остаются вечной мерой справедливости и человеческой совести. Не случайно в настоящее время уровень цивилизованности общества оценивается по его отношению к проблемам защиты детства, наличию в нем законодательно закрепленных прав ребенка.

В истории отечественной литературы тема детства становится одной из центральных с середины XIX в. От идеализированного образа ребенка в литературе сентиментализма и романтизма писатели приходят к образу психологизированному, реальному, живому. Характер ребенка, «диалектика души», развитие рефлексии и морального сознания, условия воспитания и взросления привлекают внимание таких писателей этого времени, как Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, С. Т. Аксаков, Н. Г. Гарин-Михайловский.

На факт первого в русской литературе изображения психологии ребенка указал исследователь Г. А. Гуковский. Такой образ («психологический образ мальчика») впервые представлен, по наблюдению ученого, в автобиографическом романе Н. М. Карамзина «Рыцарь нашего времени» (1802—1803). Отметим, что этим же романом Карамзин заложил и начало нового жанра в русской литературе — жанра повести о детстве. Именно после книги Карамзина появятся «Детство» Л. Н. Толстого (1852), «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова (1858), «Детство» М. Горького (1912—1913).

Если Н. М. Карамзин впервые в русской прозе изобразил формирование характера ребенка, то М. Ю. Лермонтову принадлежит лирическое открытие темы детства. Данный факт до сих пор не осмыслен классическим и современным литературоведением. Единственный, кто отметил его, — уникальный знаток русской поэзии И. Н. Розанов. В своей работе «Лермонтов — мастер стиха» (1940-е) он писал: «...В русской литературе любовь к детям и материнская любовь как лирическая тема появляется впервые у Лермонтова. Ни у Державина, ни у Пушкина, ни даже у Жуковского ее не было» [Розанов, 1990, 262].

Детство — одна из сквозных тем в творчестве Лермонтова. Даже простое обращение к словарю языка поэта показывает, что слова «дети», «дитя», «детский», «ребенок», «дом», «отец», «мать» входят в тысячу самых частотных слов в языке поэта [Частотный словарь..., 1981, 717—774]. Характерно, что в творчестве Лермонтова сравнения и обращения к детству и к ребенку — повторяющиеся содержательные формы лирического излияния. Знаменательны в этом отношении названия стихотворений («Казачья колыбельная песня», «Ребенка милого рожденье», «Ребенку») и название поэмы («Сказка для детей»). Тема детства реализуется не только в поэзии Лермонтова, она проходит через все его творчество. Многие характеристики героев лермонтовских произведений включают в себя сведения об

их детстве; с обстоятельствами детских лет часто связаны особенности их характера и дальнейшей судьбы: драмы «Люди и страсти», «Странный человек»; поэмы и повести «Сашка», «Мцыри», «Сказка для детей»; прозаические произведения «Вадим», «Княгиня Лиговская», «Я хочу рассказать вам...». Можно сказать, что в творчестве Лермонтова детство становится предметом художественной рефлексии, а сам феномен детства получает определенную структуру, в которой выделяются такие составляющие, как образ ребенка, материнство, отцовство, детскость как аксиологическая категория. При этом каждая составляющая получает в творческом сознании поэта свое реальное наполнение.

Именно Лермонтовым создан образ рано повзрослевшего ребенка. Не случайно Ю. Айхенвальд отметил в поэзии Лермонтова «настойчивый мотив досрочности»: поэт часто сравнивает рано повзрослевшего героя с плодом, до срока созревшим, с оторванным от родной ветки листком, со стариком без седин. Чертами ранней взрослости отмечены практически все герои Лермонтова. С глубокой грустью и сочувствием говорит автор о «старении» ребенка под жизненными невзгодами. Одна из главных причин ранней зрелости, взрослости героев Лермонтова — переживание ими болезненного опыта сиротства (физического и «духовного»). Физическое сиротство (разлука с близкими людьми) осмысляется в таких произведениях, как драма «Странный человек», прозаический отрывок «Я хочу рассказать вам...», поэмы «Испанцы», «Измаил-Бей», «Мцыри» и др. «Я никому не мог сказать / Священных слов “отец” и “мать”» [Лермонтов, 1975—1976, II, 81]¹ — этими словами из исповеди Мцыри можно в целом охарактеризовать чувства героев. Поэтому так пронзительно звучат в них признания о необходимости и значимости для каждого общечеловеческих ценностей — семьи, дома, родины, теплоты единения и связанности с родными людьми. В лирических произведениях Лермонтов осмысляет не внешнее (физическое) сиротство, а сиротство духовное: поэт показывает, как доверчивость ребенка скоро начинает колебаться при столкновении с жестокостью мира, как детская душа претерпевает глубокую деформацию и в детском сердце водворяются холод и ненависть. Наиболее ярко тема узнавания ребенком мира людей, которые «отравили ребяческие дни», звучит в одном из ранних стихотворений поэта «Он был рожден для счастья, для надежд» (1832):

Он был рожден для счастья, для надежд
И вдохновений мирных! — но безумный
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной;
И мир не пощадил — и Бог не спас! [I, 454]

Рано повзрослевший герой лирических и прозаических произведений Лермонтова меняется не только внутренне, но и внешне: лишние морщины, бледное чело, бледные щеки — постоянные его характеристики. В произведениях Лермонтова раскрываются основные этапы формирования духовного облика ребенка, его взросле-

¹ Далее произведения М. Ю. Лермонтова цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.

ние и изменение, взаимоотношения с окружающей действительностью. В историко-литературном плане необходимо отметить, что «диалектика детской души, воссозданная Лермонтовым, предвосхищает появление такого шедевра русской литературы, как “Детство. Отрочество. Юность” Л. Н. Толстого» [Сердюкова, 1973, 54].

Развивающиеся здесь параллельно темы материнства и отцовства получают у Лермонтова разную жанровую оформленность. Так, произведения, относящиеся к «отцовской» линии, созданы в основном в жанре драмы, что связано с биографическим контекстом (известно, что Лермонтов с детских лет был насильно разлучен с отцом и очень страдал от этого). Произведения, связанные с темой материнства, относятся в основном к лирическим жанровым формам — колыбельным, философской медитативной лирике.

Однако образ сиротливого, одинокого детства, непосредственно складывающийся из анализа всего творческого наследия поэта, получает не только глубоко драматическое освещение — детство неизменно осмысливается Лермонтовым как прекрасная порочность человеческой жизни. По контрасту с действительностью детство может идеализироваться взрослым вспоминающим сознанием (стихотворения «Умиравший гладиатор», «Как часто, пестрою толпою окружен»; трагедия «Испанцы»; поэмы «Исповедь», «Измаил-Бей», «Сашка»), в целом ряде стихотворений и в прозе встречаются сравнения всего самого прекрасного с детьми как символом чистоты и непорочности. Такие сравнения прослеживаются в произведениях Лермонтова при описании явлений природы: далекие звезды «ясны, как счастье ребенка» («Небо и звезды»); кавказский воздух «чист, как молитва ребенка» («Синие горы Кавказа, приветствую вас!»). Фраза из этого стихотворения в измененном виде включена в текст «Княжны Мери» — «Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка...»); «ребячий лепет» ручья («Мцыри»). Женская красота также часто сравнивается Лермонтовым с детской естественностью, гармоничностью: стихотворения «Булевар», «Она была прекрасна, как мечта», поэмы «Последний сын вольности», «Измаил-Бей».

Другой аспект, с помощью которого поэт подчеркивает ценностную составляющую поры детства, — это наличие во многих героях такой черты характера, как *д е т с к о с т ь*. Исследователями рассматривались различные грани представлений поэта о совершенной личности: интеллект, воля, жизненная активность, стремление к действию; мы включаем в концепцию личности Лермонтова антропологическую категорию детскости, которая является важнейшей «составляющей» его героев. Отдельные замечания о категории детскости и ее роли в произведениях Лермонтова встречаются в работах В. М. Фишера, М. Н. Розанова, И. Е. Усок, Д. Е. Максимова, Б. Т. Удодова, Ю. М. Лотмана, но предметом отдельного исследования эта категория так и не стала.

Отметим, что слова «детскость» в языке художника нет — оно появится в произведениях писателей более позднего времени. Вот как описывает Л. Н. Толстой впечатление Левина, произведенное на него Кити Щербацкой: «Когда он думал о ней, он мог себе живо представить ее всю, в особенности прелесть этой с выражением детской ясности и доброты (здесь и далее в цитате разрядка

наша. — Т. Л.) небольшой белокурой головки, так свободно поставленной на статных девичьих плечах. Детскость выражения ее лица в соединении с тонкой красотой стана составляли ее особенную прелесть, которую он хорошо помнил...» [Толстой, 1987, 31—32]. Детское начало будет акцентировать в своих героях Ф. М. Достоевский; детскостью наделены героини произведений А. Платонова, Е. Замятина и многих других писателей XX в.

Лермонтов же для характеристики личности своих героев часто употребляет не понятие детскости, а эпитет *детский* или метафорическое сравнение «как ребенок». В. М. Фишером отмечено, что во многих лермонтовских сравнениях и метафорах фигурирует «ребенок»; Б. Т. Удодов указывает на концептуальный характер излюбленного лермонтовского эпитета «детский»; слово «детский», по наблюдению составителей частотного словаря языка Лермонтова, входит в тысячу самых употребительных слов в языке поэта. Положенное Лермонтовым начало художественного осмысления антропологической категории детскости как состояния человека, не растерявшего в процессе взросления богатства души, по нашему убеждению, во многом предвосхищает открытия в этой области Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского.

В обыденном сознании понятия «детскость» и «инфантильность» нередко отождествляются, поэтому представляется целесообразным их развести. В русском языке отвлеченные имена существительные на *-ость* имеют значение качества, свойства. Инфантильность (от лат. *infantilis* — младенческий, детский) — это задержка в развитии организма и психики. Инфантильный человек отличается незрелостью эмоционально-волевой сферы, что выражается в несамостоятельности решений и действий, чувстве незащищенности, в разнообразных компенсаторных реакциях. Четкого же определения понятия «детскость» не существует: в толковых словарях оно трактуется как свойство по прилагательному «детский», т. е. «такой, как у ребенка, свойственный ребенку». И лишь в переносном значении «детскость» получает негативную окраску: «не свойственный взрослому, ребяческий, наивный, незрелый». Таким образом, понятие детскости получает широкое наполнение. В самом общем виде детскость — это то, что осталось во взрослом человеке от ребенка. «Положительная» детскость — это особая ментальность как тип отношения к миру, особое свойство ума, сознания; это целый спектр эмоциональных состояний и поведенческих реакций, таких как непосредственность, душевная чистота, светлое, открытое восприятие мира, полная доверчивость, искренность.

В образах собственно детей эта черта характера наиболее очевидна, но, будучи обнаруженной в образах взрослых, детскость становится выражением авторской концепции. В применении ко взрослым эпитет «детский» всегда служит у Лермонтова в похвалу им. «На протяжении всего творчества Лермонтова, — отмечает Б. Т. Удодов, — детскость является своего рода критерием целого ряда высоко ценимых поэтом внутренних качеств» [Удодов, 1973, 59].

Антропология Лермонтова во многом генетически связана с романтической эстетикой. В стихотворении «М. А. Щербатовой» («На светские цепи»),

в поэмах «Демон» и «Мцыри», в образе Максима Максимыча (роман «Герой нашего времени») детскость героев обусловлена их близостью к природе. Это ставит героев в один ряд с популярными в литературе сентиментализма и романтизма образами «естественного человека». Возникновение идеализированных образов «детей природы» связано, в свою очередь, с интересом русской общественной мысли XVIII—XIX вв. к философским и педагогическим концепциям Ж.-Ж. Руссо.

Героиня стихотворения «На светские цепи» представлена как дочь «цветущих степей Украйны», подлинное дитя природы. Ее безыскусная красота и чистота внутреннего облика являют резкий диссонанс «свету», которому она противопоставит сохранившейся в ее душе «детской верой» [I, 69]. «Любимый идеал» Лермонтова Мцыри — «душой дитя» [II, 81]. По природе своего сердца он чужд зла и эгоизма, органически тянется к людям. Мцыри способен удивляться красоте мира, сохранил в себе чистоту, доверчивость, открытость, верность идеалам родной семьи даже в условиях плена и физического сиротства. «Мцыри — “естественный человек” в большей степени, чем другие, близкие ему, персонажи Лермонтова... Не случайно в строфе 4 сказано, что он “душой дитя”, — видимо, не только по поводу его юного возраста, но и с намеком на детскую чистоту его сознания, отразившего “духовное детство” его народа» [Максимов, 2002, 668—669].

Детски непосредственна до встречи с Демоном Тамара: «И улыбается она, / Веселья детского полна» [II, 50]. Характеризация героини («свободы резвое дитя») и обращение Демона к ней («дитя») подчеркивают детскость Тамары. Однако познание жизни, ее противоречивости оказывается губительным для гармоничной, естественной натуры Тамары. Любовь к Демону, мир которого составляет сфера чистого знания, бесплотной абстракции [см.: Пульхритудова, 1964, 83], открывает Тамаре ранее неведомые горизонты знания, вырывает ее из блаженного неведения. Постепенно детскость Тамары сменяется грустной и гордой мудростью, чувство единения с природой оставляет ее, когда в героине пробуждается аналитическая мысль, и Тамара неизбежно уподобляется Демону. Демоническое особенно ярко проступает в «странной», «грустной» улыбке мертвой Тамары: «В ней было хладное презренье / Души, готовой отцвести...» [II, 73]. Описание мертвого, застывшего лица резко контрастирует с живой улыбкой пляшущей Тамары в начале поэмы. В конце же произведения в улыбке, потерявшей признаки детскости, раскрывается тернистый путь духовного прозрения, пройденный героиней.

Однако высшим идеалом для Лермонтова было «соединение детской непосредственности чувств и зрелой глубины ума» [Удодов, 1973, 59]. Такое соединение находим в образах Печорина («Герой нашего времени») и А. И. Одоевского («Памяти А. И. Одоевского»).

В Печорине детскость, душевная поэтичность парадоксально сочетаются с эгоизмом, жестокостью, скептицизмом; сам герой неоднократно говорит о своей двойственности. Проблема загадочности Печорина существует и привлекает внимание исследователей. Его образ нередко трактуется как воплощение законченного эгоизма, однако анализ текста романа показывает, что душа Печорина, по об-

разному выражению В. Г. Белинского, «не каменистая почва, но засохшая от зноя пламенной жизни земля», ждущая благодатного дождя, чтобы произрастить роскошные цветы. «К бездушному обольстителю, к “поборнику зла” не привязалась бы Бэла, не тянулась бы Мери, не любила бы такого демонического героя Вера. Не случайно Максим Максимыч при первом же упоминании имени Печорина называет его “славным малым”» [Мануйлов, 2002, 664].

Детскостью отмечены его внешние и внутренние характеристики. Рисуя портрет Печорина, автор отмечает: «В его улыбке было что-то детское» [IV, 45]. Сердце Печорина трогают слезы слепого мальчика («Тамань»); герой способен горько, неудержимо плакать, как плачут только дети; наедине с природой он остается поэтом и, отправляясь на дуэль, жадно, как ребенок, любит каждую росинку на листьях («Княжна Мери»). «Скрытность характера» и — одновременно — детскость свидетельствуют о многомерности и противоречивости нравственно-психологического облика Печорина.

Детская живость, чистота, непосредственность чувств наиболее гармонично сочетаются с умудренностью жизненным опытом, глубоким умом в образе героя из стихотворения «Памяти А. И. Одоевского». Одоевский был одним из лучших и любимых друзей Лермонтова, и в указанном стихотворении в образе друга автором подчеркнуты наиболее значимые его личностные качества. С одной стороны, он «Из детских рано вырвался одежд / И сердце бросил в море жизни шумной»; с другой —

В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную [I, 61].

Таким образом, детскость в героях Лермонтова — это особое, высоко ценимое поэтом внутренне качество, достоинство. Характеризуя взрослую природу человека, она связывается поэтом с целостностью личности, выступает для него нравственным идеалом, мерилем нравственного совершенства. Выявленные ценностные координаты художественного сознания Лермонтова уточняют представления о философии художника, вносят новые акценты в понимание природы «лермонтовского человека», заставляют говорить об особой, присущей именно Лермонтову персональной феноменологии детства.

Гачев Г. Национальные образы мира. М., 1988.

Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1975—1976.

Максимов Д. Е. Проблематика и символика поэмы Лермонтова «Мцыри» // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб., 2002.

Мануйлов В. А. Можно ли назвать Печорина сознательным поборником зла? // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб., 2002.

Пульхритудова Е. «Демон» как философская поэма // Творчество М. Ю. Лермонтова. М., 1964.

- Розанов И. Н.* Лермонтов — мастер стиха // Розанов И. Н. Лит. репутации. М., 1990.
- Сердюкова С.* Тема детства, образ ребенка в творчестве Лермонтова // Проблемы мировоззрения и мастерства М. Ю. Лермонтова. Иркутск, 1973.
- Толстой Л. Н.* Анна Каренина: Роман: В 8 ч. Л., 1987.
- Удодов Б. Т. М. Ю.* Лермонтов: Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973.
- Частотный словарь языка М. Ю. Лермонтова // Лермонтовская энциклоп. М., 1981. С. 717—774.

Т. И. Зайцева

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА УДМУРТИИ: МЕЖДУ НАЦИОНАЛЬНЫМ И МАССОВЫМ

Рассматривается проблема возникновения в национальной удмуртской прозе новых явлений промежуточной эстетической природы. Раскрывается национальное своеобразие удмуртской беллетристики, связанное с ориентацией на традиции и поэтику жанров устного народного творчества.

Изучение перемен внутри национальных культур позволяет более ясно представить содержание и динамику современного литературного процесса в его ведущих тенденциях и направлениях.

Характерной особенностью современной удмуртской прозы является сосуществование в ней достаточно автономных по своим социокультурным характеристикам различных литературных практик. Особое значение в связи с этим приобретает проблема переходных форм в национальной литературе, относящихся к явлениям промежуточной эстетической природы. К сожалению, наши литературоведы и критики большую часть национального литературного потока или совершенно не замечают, или квалифицируют как паралитературу. В этой сфере оказались произведения с главенствующим документальным началом, созданные авторами, не являющимися членами писательской организации. К примеру, особым успехом у национальной интеллигенции в последние годы пользуются художественно-публицистические произведения, написанные на основе архивных материалов и воссоздающие трагические судьбы первых удмуртских общественных, политических и литературных деятелей, репрессированных в сталинские годы. Без внимания критики развивается и творчество писателей так называемого «второго» или «третьего» литературного ряда. В результате такого подхода к национальной художественной словесности выстраивается картина, игнорирующая именно те литературные пласты, которые сегодня являются значимыми для широкого круга читателей.